

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.4>.

EDN: ODNBLY

Ю.А. ПУСТОВОЙТ^{1, 2}

¹ Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
630090 г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2

² Национальный исследовательский Томский государственный
университет
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

УСЛОВИЯ И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ АССАМБЛЯЖЕЙ В ГОРОДАХ СИБИРИ

Аннотация. На примере сравнительного анализа политических процессов в городах Сибири рассматриваются условия и этапы формирования различных типов властных отношений с 1991 по 2021 г. Для объяснения различий в политических траекториях автор, с одной стороны, привлекает концептуальный аппарат теории ассамбляжей мексикано-американского исследователя М. Деланды и строит свои выводы на основе дедуктивного метода, с другой — рассматривает ход и итоги избирательных кампаний в выбранных городах, индуктивно конструируя идеально-типологические модели коалиций победителей. Основным понятием исследования выступает «политико-административный ассамбляж», автономная целостность, состоящая из гетерогенных частей различной природы, способная оказывать принудительную координацию других ассамбляжей на основе легитимного признания за ней права определять целевые приоритеты сообщества, обязательные социальные стандарты и осуществлять контроль над их соблюдением. Ассамбляжи различаются между собой оценками электоральной конкуренции (персонификация —

корпоративизм) и прозрачностью административных процедур (прозрачность — аберрация) Таким образом, выделены четыре модели ассамблежей, две из которых обозначены как «паттерны Гоббса», две — как «паттерны Локка». Для объяснения расхождения процессов формирования различных паттернов сформулирована гипотеза «места», где географическое положение выступает условием, определяющим характер экономических, социальных и культурных проявлений (город-хаб или город административный центр), что во многом задает параметры пространственной, инфраструктурной и информационной среды рассматриваемого города, что, помимо материальной составляющей, находит выражение в символической среде, экспрессивном полюсе (городском гербе), становясь основой городской идентичности (торговый город, индустриальный город, административный центр). Анализ избирательных кампаний показывает смещение локальных политических повесток от комплексов местных проблем (1991–2000), к вопросам местной экономики (2000–2011), артикуляции на местном уровне больших по объемам проблем национального масштаба (2011–2021). Последнее в тенденциях означает унификацию управления и переход к «паттерну Гоббса», что в рамках выбранной теоретической модели неизбежно ведет к снижению социальной активности населения, обеднению символической среды и ослаблению комплексов сигналов о состоянии инфраструктурной среды.

Ключевые слова: город, ассамблеж, властные группы, сети, элиты, инфраструктура городской режим, Сибирь.

Для цитирования: Пустовойт ЮА. Условия и этапы становления политико-административных ассамблежей в городах Сибири // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 2. С. 74–103. DOI: <https://doi.org/10.31119/re.2024.11.2.4>. EDN: ODNBLY.

ВВЕДЕНИЕ: ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ УРБАНИСТИКЕ И СОЦИОЛОГИИ ГОРОДА

Проблема закрытости властных групп, скрытости внутренних коммуникаций, возможностей и целей индивидуальных представителей и коллективных объединений элитарных сообществ в условиях роста объемов контролируемых конкретными персоналиями ресурсов в любом обществе всегда представляла и представляет собой не

только теоретический, но и практический интерес. В условиях стабильных институтов, устоявшихся правил политической борьбы и экономической конкуренции диапазон возможных стратегических и тактических выборов властного актора намного уже и ограничен комплексами формальных и неформальных кодексов. За соблюдением первых следят многочисленные, способные проявлять самостоятельную, часто имеющую правовые последствия инициативу субъекты: иерархические административные структуры исполнительной власти, суд, прокуратура, средства массовой информации, — за соблюдением вторых общественность, представленная совокупностями горизонтальных связей: коллеги, сослуживцы, соседи, родственники, словом те, кто способен отреагировать на нарушение норм снижением социальной репутации и личной самооценки нарушителя. В условиях, когда формальные и неформальные институты по тем или иным причинам перестают выполнять свои функции по поддержанию легитимизированного и легального порядка, персональные возможности ресурсно-обеспеченных субъектов значительно расширяются, а степень социального контроля снижается, что при развитии деструктивных тенденций способно превратить основную массу населения в заложника принимаемых элитой или лидером решений. Тем не менее отметим, что и бесконтрольность, и произвол также представляют собой определенный «идеальный тип» страхов по поводу будущего, подпитываемый трагической историей человечества и помещения жизненных реалий в морально-нравственную систему координат.

Не отрицая значимости экзистенциальных тревог и переживаний, оставаясь в рамках гуманистического подхода, отметим, что как бы ни хотелось наделить элиту максимальной самостоятельностью, произволом и отсутствием морально-нравственных ориентиров, ее члены зависимы как и от материальных активов, социального окружения, так и от устоявшихся в обществе норм и правил, что обычно называется культурой. Более того, элите приходится первой реагировать на жизненные вызовы и находить приемлемые для себя и общества ответы. Неадекватность и рост ошибок превращает этот социальный слой в «кладбище аристократии». В предложенном материале мы рассмотрим и обоснуем концептуальный аппарат и методологию, позволяющую в перспективе не только выявлять основные тенденции раз-

вития властных групп, но и показывать риски, обусловленные процессами, которые обычно рассматриваются вне привычного комплекса политических проблем, а именно связанные с развитием и состоянием городской материальной, информационной и культурно-исторической инфраструктуры. В рамках города возникают и развиваются основные паттерны властных отношений, вырабатываются системы норм и правил, проецируемые как на государственный, так и на бытовой уровень. Логика развития городского образа жизни показывает, что институциональный отказ от включения горожан в электоральный процесс (прямые выборы первого лица) в современных городах вероятнее всего создаст комплекс новых проблем, чем повысит эффективность управления.

Не вызывают возражений рассуждения о том, что в основе несхожести и несопоставимости параметров социальной и культурной жизни в российских регионах лежат пространственные факторы [8, с. 5–9]. Пятьсот километров в европейской части — далеко, а в Сибири — рядом. Ощущение времени в столице с ее ежедневно меняющимся календарем событий напоминает поездку в скоростном экспрессе. Время в алтайском селе больше сопоставимо с ездой и разговорами в кузове грузовика. На наш взгляд, не столько регионы, сколько их центры, города выступают тем местом, определяющим текущую социальную позицию региона среди других, его перспективы развития. В городах России сегодня проживает 75,5 % населения¹. Точка зрения, согласно которой «город» как тип поселения и образа жизни выступает в качестве преобразователя человеческой энергии и мотивации, не является ни новой, ни оригинальной. «Город как бы цезура, разрыв, новая судьба мира. Когда он возникает, неся с собою письменность, то открывает двери того, что мы называем историей... Все поворотные моменты роста выражались во взрыве урбанизации... Город настолько же порождал подъем, насколько бывал порожден последним. Но что несомненно, так это то, что даже когда город не порождал подъем

¹ Федеральная служба государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2023 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 30.10.2024).

целиком, он обращал его к своей выгоде. И что такая игра в городе обнаруживается легче, нежели в любом другом месте» [2, с. 447]. Для ответа на поставленные вопросы мы рассмотрим привычное понятие города в контексте «нового урбанизма» и онтологии М. Деланды, где фокус внимания смещается на текучее взаимодействие материальных и нематериальных комментов. Далее покажем в этих рамках сложившиеся в сибирских городах традиции саморепрезентации. И наконец, оценим возможные варианты легитимации власти и роста активности горожан.

Начнем с того, что есть два способа рефлексии городского, которые можно вслед за рассуждениями об исторической оптике Бориса Степанова («город в истории» и «история в городе») обозначить как «политика в городе» и «город в политике» [13, с. 7–27]. В первом случае город для нас выступает в качестве лаборатории, арены политических событий, на которой разворачиваются конфликтные процессы борьбы за доминированием различных элитарных групп. Эта традиция хорошо отражена в современной социологии власти (М. Манн, Ф. Хантер, Р. Даль, Кл. Стоун, Х. Молоч, Дж. Логан, Р. Флорида, В. Ледаев, А. Чирикова, В. Гельман, С. Кордонский, Ю. Плюснин), где влиятельные политические и экономические акторы не только ведут борьбу за материальные и социальные активы, но и стремятся монополизировать культурно-историческое наследие, сделав его одним из ресурсов власти. В этом случае материальные (архитектура, здания музеев, маршруты экскурсий и оформление пространства) и нематериальные (чувства и эмоции, возникающие от прочтения и прослушивания исторических нарративов, легенд и рассказов экскурсоводов) объекты превращают город в товар, объект потребления, что в полном соответствии с концепцией «машин роста» повышает шансы его жителей на экономическое благополучие и социальную респектабельность [9].

Во втором, город представляется «как историческая индивидуальность». Здесь вслед за Д. Джекобс, А. Лефевром и Н. Трифтом и Э. Амином городское рассматривается как пространство современного социального существования и самоорганизации, в ряде случаев возникающее раньше деревень. В ходе урбанистической революции урбанизированное общество приходит на смену обществу индустриаль-

ному, а его материальная инфраструктура выступает как основной фактор, формирующий саму природу человека [13, с. 19].

На наш взгляд, совмещение этих подходов, рассмотрение феноменов доминирования в городе как дедуктивным методом в рамках онтологии и исследовательских принципов нового урбанизма [1, с. 36–61] и теории ассамблежей М. Деланды [7], так и индуктивным через рассмотрение процессов формирования властных групп в социально-историческом и информационном контексте в ходе избирательных кампаний позволяет нам точнее описать и объяснить условия и этапы процессов возникновения и развития властных отношений между политическими и экономическими акторами. Эмпирической базой предложенного материала служит политическая история региональных центров Сибири (Омск, Новосибирск, Томск, Барнаул, Горно-Алтайск, Красноярск, Кемерово, Новокузнецк, Абакан, Иркутск, Кызыл, Улан-Уде, Чита) с 1991 по 2021 г., итоги и агитационный материал избирательных кампаний и анализ более 200 интервью участников политического процесса в рассматриваемый период.

ПРИНЦИПЫ, ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Город — это прежде всего продукт исторического смешения демографических, политических, экономических, социальных и культурных компонентов в ограниченном пространстве искусственном ландшафте. Взятый нами за основу подход к пониманию «городского» опирается на идеи, предложенные американским социологом Луисом Виртом, определившим его в своей классической работе как производную трех параметров: размер, плотность, гетерогенность [3]. Качественный переход от не городского к городскому удачнее всего сформулировал в своих работах В. Глазычев, где «городское» выступает как потенциальная возможность. Поселение может стать городом или нет. Есть два очень конкретных критерия: наличие свободного пространства (пустыря, парка, площади, находящихся в общегородской, коммунальной собственности) и наличие значительного количества людей, не занятых производственной деятельностью. Европейский город вырастил пять институтов, лежащих в основе публичного пространства и самоуправляемого сообщества: рынок (биржа), собор, суд, театр (иногда площадь), кабак (ресторан, кафе, харчевня). Места

постоянных репрезентаций, где люди смотрят на себя, других, празднично и деловито общаются [4, с. 15]. Именно эти институты, как подчеркивают современные исследователи, обеспечивают городу богатство талантов, приезжающих общаться с другими талантами. Жители современных городов, потребляя на 40 % меньше электроэнергии, чем жители пригородов, в целом, более здоровы и богаче, «настоящий город сделан из плоти, а не из бетона» [5, с. 34]. «Города успешны большей частью потому, что они предлагают удовольствия, воодушевление, лоск и интригу, а не только могущество, деньги или безопасность» [12, с. 9]. Если кратко обозначить одну из ключевых идей современных исследователей урбанистики, город — место активации чувств, мышления и практики.

Город образуется из потенциальных и действительных сущностей, вне которых не обнаруживается ничего «более реального». На самом базовом уровне речь идет о жизни как таковой, но включающей в себя экологию, состоящую не только из людей, но и из многих видов населяющих поверхность земли и океанов, практику биополитики, где постоянная инженерия тел и эмоций означает просачивание власти в сами тела и формы живых субъектов и рассмотрение чувств как ключевых элементов городской жизни [1, с. 38–40]. В этой онтологии города невозможно свести к чему-то одному, так как в процессе своего становления они всегда представляют нечто большее. Развитие и критический анализ метафор городского, его осмысление в рамках повседневного урбанизма, как неповторимого продукта смешения, проведенное Эшом Амином и Найджелом Трифтом (с опорой на философские и исследовательские принципы Д. Юма, Дж. Локка, Б. Спинозы, М. Серра, Ж. Делеза, Б. Латура, М. Деланды), потребовало сосредоточения внимания исследователей на «столкновениях», ситуациях, где человеческие субъекты, представляющие собой единство цели и тела, выступают как агрегаты многочисленных сетей — конфликтующих, сотрудничающих, паразитирующих, соприкасающихся друг с другом. Города нельзя свести к чему-то одному, они по-настоящему множественны и всегда выходят за рамки, являясь всегда и одновременно и генераторами патриархальности, и артефактами государства, и машинами потребления [1, с. 41].

Один из наиболее продуктивных подходов в понимании и объяснении проблем динамики современности предложил американский ученый мексиканского происхождения М. Деланда, где в фокусе внимания — центральная интуиция «не неживой жизни», «сборка», целостность, возникающая в результате самоорганизации компонентов различной природы. Этот процесс и его результат он обозначил понятием «ассамбляж».

С одной стороны, он опирается на представления Ж. Делеза о сборке и формах неорганической жизни, где техническое не рассматривается отдельно от социального, и изобретения в мире техники меняет поведение людей и их потребности [6, с. 14]. С другой стороны, он включает в это понятие индивидов, сети, организации и правительства, города и государства. Функционирование компонентов на каждом из уровней описывается и объясняется идеями и концепциями Д. Юма, И. Гофмана, Ч. Тилли, М. Вебера, Ф. Броделя. «Ассамбляжи, будучи целостностями, чьи свойства возникают из взаимодействия частей, можно использовать в целях образования этих промежуточных сущностей: межличностные сети и институциональные организации являются ассамбляжами людей; движения социальной справедливости — это ассамбляжи сети из нескольких сообществ; центральные правительства — это ассамбляжи нескольких организаций; города — это ассамбляжи людей, сетей, организаций, равно как и ряда инфраструктурных компонентов: от зданий и улиц до трубопроводов для потоков материи и энергии; государства — это ассамбляжи городов, географических регионов, образованных городами, и провинций, сформированных несколькими подобными регионами» [7, с. 13].

Ни один из этих уровней сборки не считается самостоятельным, не имеет онтологического приоритета, компоненты могут свободно перемещаются из ассамбляжа в ассамбляж и вступать в процессе коэволюции в обязательные отношения друг с другом. Здесь Деланда в противовес метафоре «общества как организма» приводит пример метафоры из Ж. Делеза «оса и орхидея» [7, с. 13]. Добавим к этому для понимания, что связь между человеком и технологией вошла в неосознанную привычку, хотя редко артикулируется, но не вызывает особых сомнений при анализе исторических (успех монгольских завоеваний орды основан на ассамбляже «всадника и складного лука», политиче-

ских, «Трамп и “Твиттер”») процессов и т.д. Еще раз отметим, что сборка, ассамбляж не представляет собой смесь сущностей и объектов, и не стоит ее представлять как грудку разнообразных материальных и социальных компонентов, главное свойство ассамбляжа — эмерджентность, способность целого влиять на его части. Попав на номенклатурную должность, партийный функционер получал в распоряжение комплекс возможностей и ограничений, материальных и символических активов, распоряжаться которыми можно было, соблюдая противоречивый неписанный кодекс поведения, в случае нарушения которого он вылетал из системы.

Теория ассамбляжей подразумевает структурирование мира по четырем осям. Первая ось отмечает вариативные роли компонентов ассамбляжа от материальной на одном конце оси до экспрессивной на другом, предполагая их смешение при использовании различных способностей. На материальном полюсе: тела, сети, организации, инфраструктура городов и городами и государств (где к ассамбляжам тел добавляются труд и его орудия, здания и районы). На экспрессивном: поза, одежда, мимика, то, что создает желаемый образа «Я», солидарность, легитимности, что может быть выражено в форме слов или поступков.

Вторая ось (измерение) определяет вариативные процессы, фиксирующие границы и способствующих стабилизации идентичности ассамбляжа за счет увеличения степени его внутренней однородности (территоризация) или, напротив, его дестабилизации, увеличения способностей изменяться и трансформироваться (детерриторизация).

Третья ось (измерение) ассамбляжа представляет собой дополнительную ось (кодирование/декодирование), служит для производства и поддержания идентичности специальными экспрессивными сущностями, такими как слова и гены, являясь, таким образом, медиумами — основой второго синтетического процесса. Кодирование обеспечивают вторую артикуляцию ассамбляжа (первая — процесс территориализации) и стабилизирует идентичность, что можно пояснить как совокупность нарративов в иерархических организациях. При традиционной власти в фокусе внимания будет сакральность, при рационально правовой, бюрократической — законность и формальные

роли. Кодирование и декодирование — рекуррентные процессы, их варьирующие повторения синтезируют целые популяции ассамблежей, в одних случаях скрепляют их идентичность или, напротив, наделяют их свободой для дальнейшего гибкого функционирования, эти же повторяющиеся взаимодействия приводят к возникновению сущностей другого масштаба.

Четвертое измерение ассамблея (связность/изолированность) также носит дополнительный характер и ее компоненты расположены ближе к материальному полюсу. Связность в самом простом виде обеспечивает циркуляцию компонентов, человеческих тел и материальных объектов, например связанность здания можно описать через расположение комнат, дверей, лестничных пролетов.

Ранее мы вводили и обосновывали понятие политико-административного ассамблея и разбирали его основные характеристики и процедуру их маркирования и оценки [10], здесь лишь напомним, что под этим понятием подразумевается автономная целостность, состоящая из гетерогенных частей различной природы (лидеров, политических активистов, неформальных политических сетей, партий и организаций, бюрократии и институтов и соответствующей материальной инфраструктуры: зданий, оборудования, машин, протокола, средств связи, собственных и дружеских СМИ и т.д.), способная оказывать принудительную координацию других ассамблежей (людей, сетей организаций) на основе легитимного признания за ним права определять ценностные приоритеты сообщества, правила и объемы распределения ресурсов, обязательные социальные стандарты, и осуществлять контроль над их соблюдением.

Предложенный концепт ассамблея предполагает увязывание двух политических составляющих: легитимную борьбу за ключевую позицию, позволяющую ее обладателю осуществлять процесс выбора одного из множества альтернатив (экспрессивная роль), и исполнение принятого решения через планирование действий, распределение ресурсов, принятие норм и контроль за их соблюдением (материальная роль). Политическое измерение ассамблея определяется его легитимностью, т.е. степенью конкуренции альтернативных кандидатов и их проектов. Маркером этого измерения считаем соблюдение равенства возможностей в доступе участников к открытой и публичной

конкуренции за голоса электората. Административное измерение ассамбляжа связано с чистотой формальных процедур и их искажением, абберрацией, соответствия принятия решений существующим формальным стандартам, ее регламентирующим, и закрепления этих решений на материальных носителях. Маркером должного уровня стандартизации в нашем случае выступает отсутствие искажений итогов голосования на выборах. Если оценивать соответствие ассамбляжа идеальному типу по четырехбалльной шкале, где корпоративная прозрачность получит оценку «4» (паттерн Локка), персонифицированная прозрачность — «3» (паттерн Локка), корпоративная абберрация — «2» (паттерн Гоббса), персонифицированная абберрация — «1» (паттерн Гоббса), то исследуемые города получают следующие оценки: «4» — борьба местных элит при честном подсчете голосов (Томск, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Барнаул); «3» — персонификация, наличие явного лидера, при отсутствии абберраций (Омск, Чита, Абакан); «2» — непрозрачный подсчет, но открытая конкуренция политических субъектов (Горно-Алтайск, Улан-Удэ); «1» — персонифицированная абберрация (Кемерово, Новокузнецк, Кызыл). Возникает вопрос: почему и как стали складываться различные типы властных отношений?

ГОРОДСКОЙ АССАМБЛЯЖ И ЕГО ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

Реконструируем ассамбляжи сибирских городов через их материальные и экспрессивные компоненты, взяв за основу только городской уровень и не включая в анализ, так как сети и организации, которые необходимо подробно рассматривать отдельно [10]. Особенностью этого уровня сборки, считает М. Деланда является то, что решающую роль начинают играть пространственные отношения. Города как социальные сущности состоят не только из популяций человеческих индивидов, сетей и организаций, но и из инфраструктуры, зданий, улиц и всевозможных коммуникаций. Здесь уместно напомнить, что еще в русле Чикагской школы ее представители с 1920-х годов сформулировали направление, объясняющее общественные отношения территориальностью, и городская среда стала рассматриваться и как пространственная локация, и как место, структурированное во времени привычками и обычаями. М. Деланда, определяя город как

ассамблеж, показывает, как соотносятся его значения материальной и экспрессивной составляющей. Например, материальную роль в зданиях выполняют те компоненты, которые позволяют им быть *успешными несущими конструкциями*, а экспрессивность достигается демонстрацией роскоши или сакрального статуса. Введение новых технологий (изменение материальной составляющей) имеет определенные экспрессивные последствия [6, с. 115–117]. Стабилизация городской идентичности достигается за счет определенности границ города и рутинных практик проживания, детерриторизации вследствие создания новых урбанистических центров, шоссе, автомобилизации. Так, изобретение электротранспорта изменило границы рабочих районов, ранее селившихся около заводов и фабрик, и привело к относительной потере престижности центра города.

Таким образом, город постоянно детерриторизируется, и его рост все больше и больше индивидуализирует его жителей, что требует постоянного производства городских нарративов, обеспечивающих их солидарность. Рост материальной компоненты должен сопровождаться ростом экспрессивной. Материальная часть обеспечивает циркуляцию тел, информации и ресурсов, экспрессивная — символов, чувств и верований. В рамках подхода к городскому, разработанного Э. Амином и Н. Трифтом, мы можем выделить четыре основных компонента, четыре изобретения современного города, которые задают базовый городской ритм и связывают в единое целое все многообразие активностей: дороги и автомобили, средства передачи и хранения информации, надежные средства жизнеобеспечения повседневных акторов (газ, водоснабжение, тепло, канализация), средства массовой репрезентации: массовая фотография, кино, телевидения, в общем средства, предопределяющие смысл мест [1, с. 117–121]. Эти четыре компонента, три из которых имеют ярко выраженный материальный характер (что означает, что здесь процесс циркуляции связан с их способностью выступать несущими конструкциями и выполнять определенные функции) и один экспрессивный характер, задают основную городскую сборку. Оценка состояния дорог, информационной среды и инфраструктуры жизнеобеспечения позволяет нам рассматривать город в оптике обеспечения базового повседневного выживания физических тел, оценка публичной репрезентации города дает воз-

возможность определить основные линии кодирования, нарративов, наделяющих горожан общей идентичностью и лежащих в основе коллективной солидарности слов и поступков.

Операционализировать первые три компонента мы можем через показатели Индекса качества городской среды за 2023 г.¹ Индекс введен в 2019 г. на основе признанных международных документов Минстроем России как инструментарий для определения условий качества городской среды. Города разбиты по размерам (крупнейшие, крупные, большие) и климатическим условиям. Индекс формируется на основе оценки шести типов городских пространств (жилье, озелененные пространства, общественно-деловая инфраструктура, социально-досуговая инфраструктура, улично-дорожная сеть) в соответствии с шестью критериями качества городской среды (безопасность, комфортность, экологичность и здоровье, идентичность и разнообразие, современность и актуальность среды, эффективность управления). Формирование индекса происходит на основании данных Росстата, геоинформационных систем и дистантного зонирования территории. Каждый из индикаторов оценивается по шкале от 0 до 10. Совокупный индекс оценивается от 0 до 360 (при оценке от 0 до 180 среда признается неблагоприятной, при 181 до 360 — благоприятной). Для нас здесь наиболее интересна итоговая оценка (первая цифра), показатели пространств улично-дорожной среды (вторая цифра, здесь оценка дается по критериям состояния дорог) и общегородского пространства (третья цифра, здесь несколько индикаторов состояния инфраструктуры). Города перечислены в порядке убывания общего показателя. В скобках средняя оценка городов региона и характеристика их как благоприятных и неблагоприятных.

Абакан 222 (36, 40) (средний бал по региону (5 городов) 195, что оценивается как благоприятная среда).

Новосибирск 219 баллов (37, 41) (средний бал по региону (14 городов) 178 — неблагоприятная среда).

Кемерово 218 (36, 38) (20 городов 186 — благоприятная среда).

¹ Индекс качества городской среды — инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий ее формирования. URL: <https://индекс-городов.рф/> (дата обращения: 30.10.2024).

Барнаул 214 (33, 42) (12 городов, 190 — благоприятная среда).
Иркутск 212 (34,37) (22 города, 172— неблагоприятная среда).
Новокузнецк 211 (40, 34) (20 городов 186 — благоприятная среда).
Красноярск 208 баллов (35, 42) (23 города, 192 — благоприятная среда).

Томск 207 (37, 41) (6 городов, 197 — благоприятная среда).

Горно-Алтайск 205 (35, 40) (нет данных).

Улан-Удэ 191 (40, 39) (6 городов, 176 — неблагоприятная среда).

Чита 198 (32, 39) (10 городов, 160 — неблагоприятная среда).

Омск 161 (23, 29) (6 городов, 171 — неблагоприятная среда).

Кызыл 159 (24, 38) (5 городов, 164 — неблагоприятная среда).

Таким образом, мы видим, что если брать за основу городскую материальную среду, то в целом, согласно официальным данным, в большинстве региональных центров (в 11 городах) она оценивается как благоприятная. В двух городах — столицах регионов ситуация сложнее, но тем не менее мы видим, что действующая инфраструктура центров способна поддерживать должный уровень повседневного функционирования. Для сравнения, если посмотреть показатели от крупнейших (более миллиона жителей) до малых (35–50 тыс.) Москва набирает 304 балла, Ярославль — 251, Реутов — 273, Кудрово — 272, Истра — 254. Оценим «2» — благоприятный город в благоприятной среде, «1» — благоприятный город в неблагоприятной среде, и «0» — неблагоприятный город в неблагоприятной среде.

Операционализация информационной среды нами проведена на основе данных Индекса развития медиасферы (MSindex, интегрировавший 48 индикаторов по пятичастным индексам: состояние среды СМИ, активность стейкхолдеров, состояние аудитории, состояние самих СМИ, состояние медиаконтента)¹. По нему все регионы России разбиты на четыре класса (А, В, С и D). К первой группе (А) в 2018 г. были отнесены города Новосибирской области (Новосибирск, 1),

¹ Отчет «Индекс развития медиасферы — 2018. Динамика институционального развития средств массовой информации в субъектах РФ верхнего уровня в 2015–2018 гг.» URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/75c/otchet-msindex-2018_final-na-sajt.pdf (дата обращения: 30.10.2024).

Красноярского края (Красноярск, 1,2). Ко второй (B) Томской области (Томск, 1,8), Омской области (Омск, 2), Иркутской области (Иркутск, 2,2), Кемеровской области (Кемерово, Новокузнецк, 2,2). К третьей группе (C): Алтайский край (Барнаул, 2,6). К четвертой (D) Забайкальский край (Чита, 3,6), республика Алтай (Горно-Алтайск, 3,6), Хакасия (Абакан, 3,6), Бурятия (Улан-Удэ, 3,6), Тыва (Кызыл, 4). Оценим группу А — «3» баллами, В — «2», С — «1» и D — «0»

К материальным маркерам саморепрезентации и формирования городской идентичности отнесем наличие городского музея. Осознание городской истории, ее отделение от привычной истории края и региона возможно только при достижении определенного уровня самостоятельной рефлексии происходящего, установлении связей между «вчера, сегодня и завтра», в чем обычно принимают участие местные энтузиасты -интеллектуалы, сообщества писателей, журналистов краеведов. Городские музеи, согласно Википедии (подчеркнем, что именно этот ресурс в данном случае наиболее соответствует целям исследования), есть в городах: Омск (Городской музей «Искусство Омска»), Новосибирск («Музей города Новосибирска»), Барнаул («Город»), Томск (Музей истории Томска»), Иркутск («Музей истории города Иркутска»), Новокузнецк («Кузнецкая крепость»), Улан-Удэ («Музей истории города Улан-Удэ»). Оценим наличие музея 1 баллом. В городах Красноярск, Абакан, Кемерово, Горно-Алтайск, Чита, Кызыл, разумеется, есть большие и локальные музейные комплексы, которые ориентированы на сохранение памяти о территории, этносах, локальной культуре или личности, но не выделяют отдельно специфическую городскую историю («0» баллов). В предложенной системе оценок Новосибирск (5), Красноярск (5), Томск (5), Иркутск (4), Барнаул (4), Абакан (2), Омск (3), Чита (1), Улан-Уде (2), Горно-Алтайск (1), Кемерово (4), Новокузнецк (5), Кызыл (0). Таким образом мы видим, что города, имеющие противоположные показатели по политическим критериям и диаметральному паттернам власти, могут совпадать по оценкам материальной среды. Здесь показательными будут сходства крупных городов, расположенных вдоль Транссибирской магистрали, и городов Кузбасса, имеющих близкие официальные показатели благоприятной среды и медиасферы. Города, набравшие меньшее количество баллов, как правило, относятся к центрам сельскохозяйственных регионов или добывающей промышлен-

ленности, что в равной степени применимо к столицам национальных республик, Чите и Омску.

ГОРОД КАК РЕСУРС ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ В ЗЕРКАЛЕ ГЕРАЛЬДИКИ

Экспрессивная компонента дает представление о том, как жителей связывает территория, время и смысл существования. Мы предлагаем рассмотреть ее через герб города. Большая часть сведений о городской геральдике имеется в открытых источниках, и мы стремимся следовать той интерпретации, которая дана публично. Как правило, городские гербы приняты и утверждены в разное время представительными органами власти. Высокая символическая связанность усиливает экспрессивное измерение ассамблея и осуществляется через кодирование, обеспечивающее городскому ассамблею территориальную идентичность. Интерпретация городского герба, как и любого символа, носит качественный характер. Мы взяли за основу анализа первичный план («фасад» И. Гофмана), их официальное описание, и поместили интерпретацию символики в культурно-исторический контекст, сопоставив ее с датой образования города и формальным утверждением геральдического знака. Это позволило выделить несколько типов символических объединений.

«Торговые города», или города, позиционирующие себя как центры коммуникаций и обмена.

Томск (1604 г.). Символика города прослеживается с XVII в., решением городской думы современный герб утвержден 27 августа 2019 г.

Основные элементы: пятизубчатая золотая корона, серебряный конь на зеленом поле, зеленая лента с девизом «ТРУДОМ И ЗНАНИЕМ». Центральный символ (серебряный конь) известен с 1785 г. и обычно интерпретируется как значимость торговой составляющей (извоз) в жизни горожан.

Новосибирск (1893 г.). Герб (действующий) утвержден решением городского совета Новосибирска от 23 июня 2004 г. (в 2008 г. решением Совета депутатов были внесены некоторые изменения). Основные элементы: геральдический щит, пересекаемый лазоревой полосой (река Обь, рассекающая зеленое и серебряное поле), разорванной тон-

кой черной нитью (Транссиб) и соединяемый золотым мостом (мост). Щит держат два соболя. Вверху — пятизубчатая корона, внизу — лук и стрелы. Источником вдохновения послужил герб 1993 г. Зеленый и белый (серебряный) цвет герба, соболя, лук и стрелы связывают символику города с историческими традициями Сибири, откуда и были взяты эти элементы.

Улан-Удэ (1666 г., до 1934 г. Верхнеудинск). Герб утвержден 20 октября 2005 г. (впервые принят в 1790 г., символы были элементами герба 1998 г.). Основные элементы: пятизубчатая корона с символом «соембо» (указывающая на принадлежность к Республике Бурятия), жезл Меркурия и рог изобилия. Два последних элемента связаны с историей торговых отношений в городе — центре коммерции региона.

Города, символика которых подчеркивает промыслы и освоение территорий. Города-фактории.

Иркутск (1661 г.). Утвержден решением городской думы 18 февраля 1996 г. (предыдущие версии были в 1690, 1790, 1996 гг.) Основной элемент: бабр (мифологический зверь, мутировавший от первоначального значения — тигр — в создание с кошачьей головой, перепончатыми лапами и пышным хвостом), несущий в зубах красного соболя. Подчеркивание исторической преемственности.

Красноярск (1628 г.). Герб утвержден 26 мая 2010 г. Основные элементы: червлёный щит, лев на задних лапах с золотыми серпом и заступом (лопатой). Вверху золотая башенная корона, щитодержатели — серебряный конь и единорог. Эти символы появились в 1851 г., когда Красноярск и Енисейская губерния получили новый герб. Лев показывал мужество, серп и лопата — основные занятия жителей сельское хозяйство и золотодобычу, наземные и подземные богатства.

Города, символика которых подчеркивает индустриальную составляющую.

Барнаул (1730 г.). Утвержден решением городской думы 24 сентября 2012 г. (на основе старинного герба Барнаула 1846 г.) Основные элементы: пятизубчатая корона, плавильная печь и два серебряных коня с золотыми копытами по бокам.

Кемерово (1701 г.) Утвержден решением Кемеровского Совета народных депутатов 29 декабря 2019 г. Основные символы: реторта, золотой колос, золотое зубчатое колесо на червленом и черном поле.

Новокузнецк (1607 г.) Действующая версия утверждена в 2018 г. Основные элементы: пятизубчатая корона (как статус городского округа), конь в верхней части (как напоминание о вхождении в Томскую губернию), городская стена, червлёный волк (историческая эмблема города), в центре композиции — червлёная кузница с орудиями. Два цветка, напоминающие о первоначальном названии Сад-город.

Города, подчеркивающие свое военное (*оборонное*) значение.

Омск (1716 г.) Современный герб утверждён 16 апреля 2014 г. решением Омского городского совета. В центре герба червлёная с черным стена с малыми бастionsами. Вверху пятизубчатая корона, внизу девиз «Оный есть главная крепость». С одной стороны фузилер пехотных полков Петра I, с другой — сибирский казак. Из предыдущих исторических версий герба вошла только крепостная стена.

Чита (1653 г.) Утверждён решением Думы городского округа 15 ноября 2007 г. Центр композиции червлёная голова буйвола (скотоводство, серебряные глаза и язык — рудники) над восьмиконечным палисадом (поля палисада — восемь острогов), вверху пятизубчатая корона. Историческая преемственность с гербом Забайкальской области (1859 г.).

Города, подчеркивающие историческую преемственность.

Горно-Алтайск. Герб утверждён решением Горно-Алтайского Совета депутатов от 28 января 2020 г. (на основе герба 1998 г.) Концепция герба символизирует исторические особенности Горно-Алтайска. В центре лук, копьё и каменный топор, атрибуты труда и охоты (отражает уникальность города и нахождение на его территории Улалинской стоянки, одного из древнейших мест обитания первых людей планеты, её возраст, предположительно, несколько сотен тысяч лет). Два элемента орнамента: в левом верхнем углу — славянский орнамент, в правом нижнем — алтайский.

Абакан (1931 г.) Утверждён решением исполкома города 4 июня 1980 г. В государственной регистрации отказано. Вверху слово Абакан, на французском щите три каменных изваяния и красный цветок.

Города, подчеркивающие географическую составляющую.

Кызыл (1914 г.) Утверждён решением Хурала представителей города Кызыл 30 марта 2016 г. Основой герба служит обелиск «Центр Азии», золотые стилизованные крылья символизируют взлет и про-

цветание, визуальные ассоциации с солнцем и цветком. В центре основания герба растительный узор со стилистическим изображением сердца (рождение реки Енисей). Красный цвет герба прямо связан с названием города (Кызыл — «Красный»), желтый цвет, богатство (золото скифских курганов из Долины царей).

Два из рассмотренных городских символов утверждены в 1990-е, шесть — во втором десятилетии текущего века, что можно считать некоторым переосмыслением или подтверждением сложившейся городской идентичности. В целом, если отвлечься от традиционного геральдического канона, где есть строгие правила интерпретацией цвета, фигур и надписей, отметим, что основой формирования публично выносимой идентичности выступают два сюжета: первый связан с исторической преемственностью, второй — с функциональным разделением труда (в меньшей степени это касается трех столиц республик). Историческая тенденция отражается и в стремлении увеличить возраст города, иногда начиная его с поселения, которое было на этом месте (Кемерово), избытием исторических символов (Новокузнецк), включением символических деталей, отсылающих к эпохам, вряд ли имеющим непосредственное влияние на происходящее на территории региона сегодня (Горно-Алтайск).

«Производственная» тенденция подчеркивает комплекс качеств, которые показывают, как видят власти свой вклад в современные экономические реалии. Напрямую трудовая символика выражена в городах, значимым фактором развития которых была индустриализация, концентрированное строительство предприятий машиностроения, тяжелой и химической промышленности (Барнаул, Кемерово, Новокузнецк), в некоторых городах символика труда отсутствует и заменена службой (Омск), также в общем-то не имеющей никакого отношения к современности.

В торговых городах и городах-факториях экономическая составляющая скорее обозначается как элемент коммуникации (связывание берегов в Новосибирске), транспортировки (Томск, где потоки товаров с конца XIX в. стали заменять потоками студентов), добычи и сдачи природных ресурсов (Красноярск, Иркутск).

Соответственно можно выделить три типа городов со своим соотношением материальных и экспрессивных компонентов:

1. Рациональные города, города-хабы. М. Деланда обозначает их как города сетей морских портов, находящиеся на пересечении торговых потоков и капиталов. Для них характерна повышенная активность и ориентация скорее на будущее, чем на прошлое, рост экономической и социальной конкуренции, что требует постоянного создания соответствующих форм городской саморепрезентации. Постоянное столкновение с новым формирует комплекс качеств горожанина, основанный на нахождении универсальных стандартов для решения сложных проблем. К таким городам мы относим Новосибирск, Красноярск, Томск, Иркутск. Здесь исторически культивировалась самостоятельность и активность и, заметим, достаточно долго существовала политическая конкуренция и не было и пока нет aberrаций при подсчете голосов. Города выступают центрами концентрации и перераспределения торговых потоков и капиталов всех видов: финансовых, социальных и культурных. Многообразие и успешность возникающих и меняющихся предприятий и форм деятельности требовало разнообразных и квалифицированных специалистов, что, с одной стороны, увеличивало количество мигрантов, с другой — способствовало нахождению новых сетевых форм солидарности и эмоциональной поддержки, что увеличивало совместимость разнообразных компонентов. В этих городах к 1991 г. не было доминирующей экономической составляющей, основу производства составляли наукоемкие структуры военно-промышленного комплекса, был развит сектор услуг и высшее образование.

2. Индустриальные города. В терминологии М. Деланды это города — административные центры, которые могли предложить окружающим их деревням иное качество жизни, поглощали сельскую молодежь и «перерабатывали» ее в иной социальный продукт индустриального рабочего или служащего-интеллигента. К ним мы отнесем Барнаул, Омск (потерявшие в постсоветской России свою индустриальную составляющую), Кемерово, Новокузнецк и, возможно, Читу. В отличие от первой группы городов, они более территориализованы и имеют более гомогенный состав. Их историческая особенность — наличие регламентированной производственной деятельности, определяющей время, пространство и особенности городской жизни: заводской гудок, расписание и ритм работы автотранспорта,

стандартизация и организация городской жизни в соответствии с проблемами предприятий-монополистов. Руководство последних имело большую связанность с федеральным центром, чем с городом, и действовало в соответствии с приоритетами государственной бюрократии и политического руководства. Именно в этих городах наибольшего успеха добивались харизматические лидеры, что, на наш взгляд, вызвано своеобразным трансфером, механическим переносом внутригрупповых «сильных связей» доверия в область политики.

3. Традиционные города. Столицы республик — Горно-Алтайск, Абакан, Кызыл, Улан-Удэ. Они так же относятся к иерархии центральных мест, но без выраженной индустриальной составляющей. Их исторической особенностью является производство административных и социальных услуг и поддержание должного уровня порядка на территории региона. Здесь в качестве регулятора отношений выступали сложившиеся патримониальные традиции, что и поддерживало невысокий уровень личной активности в этих городах. Основной областью приложения интеллектуальных усилий было прошлое, в котором искался ответ на вызовы настоящего и будущего. Абакан представляет отдельный кейс, так как здесь особую роль сыграл фактор долгого политического лидерства, когда избранный на волне демократических преобразований мэр города управлял им больше 20 лет и умел совмещать либерально-демократические ценности и социальную политику.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ АССАМБЛЯЖЕЙ

Выводы этой части статьи построены на более ранних исследованиях политической жизни городов на основе эмпирических данных о роде и результатах избирательных кампаний. Методология и методы были рассмотрены как в приведенной нами работе, так и в других текстах и опубликованы в сборниках «Власть и элита» за прошлые годы, так что вряд ли к ним здесь необходимо подробно обращаться. Используя метод «наилучшего объяснения» [11], предлагаем считать, что в основании организации политической жизни в городах по паттерну Локка лежат качественные изменения или урбанистический контекст. В городах-хабах, где урбанизация была завершена, там возникли все предпосылки формирования городских институтов власти

в целом в рамках западноевропейской муниципальной модели, которая достаточно долго существовала до реализации ряда законодательных инициатив федерального центра, направленных на усиление централизованного тотального контроля над местными структурами. Где процесс урбанизации не был завершен (города — административные центры, предоставляющие набор услуг местным территориям, и по образу жизни, представляющие собой «очень большие деревни»), там закономерно сложился паттерн Гоббса. Исключение — индустриальные города Кузбасса, где эти властные отношения сложились под влиянием как доминирующего актора (губернатора А. Тулеева), переноса владения и управления местным бизнесом за территорию региона и формирования «дисциплинарной» социокультурной модели поведения горожан как следствия включения большинства горожан в повседневные технологические конвейерные цепочки.

События с 1993 по 2000 г. мы обозначили как «лидерский» этап и рассматриваем как попытку построения на муниципальном уровне властных отношений по паттерну Локка, что означает политическую конкуренцию при отборе на ключевые позиции и малоуспешные попытки усилить эффективность административного управления. Проводятся первые выборы по новому законодательству. В ходе приватизации распадаются старые и возникают новые субъекты политики, происходит резкий рост социального неравенства и низовой политической активности. В этот период в исследуемых городах выбираются первые 13 мэров. Кандидаты на эту должность и посты в заксобраниях представляют собой весь возможный спектр политических и идеологических взглядов, хозяйственных инициатив и социальных групп и движений. Победителями, особенно на посты в исполнительной власти, становятся номенклатурные чиновники КПСС и исполкомов, умеющие договариваться с различными группами и контролировать материальную составляющую ассамблея.

Отсутствие средств в городских бюджетах на решение социальных проблем, сопровождаемое ростом преступности в условиях анонии, приводит к нахождению двух локальных способов решения локальных проблем: создание политико-административных ассамблежей, связанных персональными договоренностями и включающих в себя подконтрольные экономические предприятия, средства массовой ин-

формации и силовые (законные и незаконные) структуры, или выработка программ и нормативных актов, ориентированных на широкую социальную поддержку населения и регламентирование границ и объемов деятельности организаций различных типов, находящихся на городской территории. Первая стратегия реализовалась в городах — административных центрах, где произошло усиление административного полюса (паттерн Гоббса), вторая в городах-хабах, где усилилась конкуренция разнообразных и относительно автономных элит, стремящихся к увеличению влияния на местные структуры власти, для чего в условиях выборов требовалась регулярная работа с электоратом (паттерн Локка). Со временем выбор одной из стратегий в качестве основной привел к возникновению ассамблежей персонафицированной аберрации или корпоративной прозрачности.

Рост политической активности на федеральном уровне с начала нулевых значительно усилил административные компоненты и ослабил политические. Серия принятых законов усилила централизацию власти, субъекты власти на городском уровне действуют уже как лоббисты экономических групп, имеющие свои интересы, или играют роль представителей политических сил федерального масштаба (лоббистский этап). Реформирование избирательной системы снизило число самостоятельных и ресурсобеспеченных конкурентов «партии власти». Закон о местном самоуправлении (2003 г.) определил границы местных полномочий и поставил зависимость деятельности глав местного самоуправления не от населения, а от их оценок региональной и федеральной бюрократией. В то же самое время благодаря росту цен на энергоресурсы и налоговой реформе (2001 г.) начинается бурный экономический рост, следствием которого выступает расширение объема строительства в городах, рост экономики услуг, увеличение объемов бюджета на социальные выплаты, здравоохранение и образование. Включение российского бизнеса в глобальную экономику, расширение взаимодействия с мировыми финансовыми рынками приводит к внедрению в российских корпорациях универсальных и рациональных стандартов управления и требований к поведению. Рост индивидуальных возможностей на уровнях сетей и неполитических организаций при обратных тенденциях в политико-административных ассамбляжах (уменьшение числа субъектов, имеющих доступ

к политической конкуренции, регламентация и усиление вертикального иерархического контроля и исполнительной дисциплины в административном аппарате) приводит к росту латентных и открытых (уличных протестов в 2011 г.) конфликтов.

С 2011–2021 гг. происходит рост включения горожан, объединяемых через различные типы сетей, в политические процессы. Анализ мобилизационных повесток протестующих показывает, что здесь в фокусе внимания относительно немногочисленных, но широких по идеологическому сектору групп и объединений, борьба за политические позиции и требования к соблюдению законодательства. Как правило, политические объединения в городе реализуют федеральную повестку, действуя в городах больше, как агенты сил, представленных на национальном уровне (агентский этап). Интенсивность этой борьбы существенно различается. В городах корпоративной прозрачности процесс идет медленнее, представители системной и несистемной оппозиции не только допускаются к выборам, но и иногда их выигрывают, чему способствуют и многочисленные, сопоставимые по ресурсам экономические субъекты, что усиливает экономическую конкуренцию, находит свое отражение в социальной и политической конкуренции и требует использования стандартизированных административных процедур для предупреждения возможных конфликтов.

ОГРАНИЧЕНИЯ, ДИСКУССИЯ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Работая над материалом, мы убедились, что анализ политического процессов в урбанистическом контексте с использованием онтологических принципов и концептуального аппарата теории ассамблежей обладает серьезными перспективами, позволяя объяснить и прогнозировать тенденции в поведении политических акторов на основе общих закономерностей формирования и развития многочисленных сборок. Хотя жизнь в каждом городе представляет собой индивидуальную историю, тем не менее закономерности циркуляции компонентов на материальном полюсе (положения города в территориальном пространстве, перемещения человеческих тел в повседневных процессах, движение труда и капитала и т.д.) во многом определяют

тип легитимности и способы ее обоснования на полюсе экспрессивном. Хотя эта работа сделана в максимально крупном масштабе, она позволила не только выявить качественные различия между городами, но и показать перспективы дальнейших количественных исследований в русле сформированных гипотез. Например, развитие темы в одном направлении может проходить через расширение числа исследуемых городов и сформированных в них ассамбляжей или, напротив, уменьшения масштабов и анализа электорального поведения в зависимости от плотности застройки.

В целом материальные компоненты определяют компоненты экспрессивные, географическое положение определяет доминирующий тип экономики и организаций на территории, что, в свою очередь, задает пределы и объемы активностей горожан и нормы социальных взаимодействий, что опять требует определенного типа легитимности. В городах, где идет непрерывный процесс коммуникации и обменов с внешней средой (порты или хабы) и другими городами, личные границы горожан, организаций и города не заканчиваются его территорией, сложность ситуаций увеличивает объемы рисков, навыков и компетенций, что требует включения в процесс управления и рационально-правового типа легитимности. В городах, создающих управленческие услуги для меньших по размеру территорий и выступающих для них в качестве представителя верховной власти, востребован традиционный или, в случае, если ситуация воспринимается как экстремальная, харизматический тип легитимности. Эта однородная (территоризированная) или, наоборот, сложная (детерриторизированная) идентичность закрепляется в символике города, направленной на движение к будущему или прошлому, к символам производства или традиций.

Политическая история городов определялась двумя значимыми условиями: типом города (хаб или центр) и политикой, проводимой федеральными структурами. В городах-хабах с многообразием компонентов, сложившимися горизонтальными связями и культурой, основанной на универсальных правовых стандартах, спрос был больше на политиков, умеющих договариваться и координировать усилия различных акторов. В городах — административных центрах, где компонентов было меньше, а в основе отношений была преимущественно

вертикальная интеграция и патрон-клиентельные отношения, спрос был на политиков, способных создать необходимый образ уверенной власти и решать персональные проблемы. Во втором случае политические лидеры создавали собственные политико-административные ассамблежи, что в ряде случаев позволяло быстро решать городские проблемы. Данные показывают, что благоприятная среда может быть создана при любой политической модели. Политика федерального центра, проводимая с 2000 г., уменьшала значение политической (конкурентной) составляющей ассамблежа и усиливала административную часть, что привело к ее практическому исчезновению на уровне не только городов-центров, где она никогда не играла и вряд ли будет играть какую либо роль, но и городов-хабов, где она выступает значимым компонентом политического дизайна.

Материальная составляющая современных сибирских городов, прежде всего городов-хабов вполне соответствует универсальным урбанистическим тенденциям. Города движутся с разной скоростью, но в одном направлении. Их жители обречены на активность. Согласимся с тезисом Амина и Трифта, что город, с одной стороны, выступает местом активации мышления и практик [1, с. 180–182], с другой — фабрикой, активно создающей все новые комплексы многочисленных проблем, из которых ключевыми все ближе и ближе становится износ систем жизнеобеспечения и рост различных форм заболеваний и преступности. Общая урбанистическая тенденция к детерриторизации требует создания и поддержания символической среды, основанной на традиционных городских ценностях, сочетающих рост индивидуальных возможностей с коллективными ограничениями, институтов развития способностей с ритуалами солидарности.

Города, их организации и сообщества способны давать адекватные ответы и выработать жизнеспособные программы не за счет регулярного обращения и восхваления опыта локального прошлого, а через умение соотнести собственный опыт с более широким социально-историческим контекстом.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пустовойт Юрий Александрович — кандидат полит. наук, доцент, доцент кафедры политологии Новосибирского государственного университета, доцент кафедры политологии Томского государственного университета.
Электронная почта: pustovoit1963@gmail.com.

Research Article

YURY A. PUSTOVOIT^{1, 2}

¹ Tomsk State University. 634050, Tomsk, Lenin Ave., 36

² Novosibirsk State University. 630090, Novosibirsk, Pirogov St., 2

CONDITIONS AND STAGES OF FORMATION OF POLITICAL AND ADMINISTRATIVE ASSEMBLIES IN SIBERIAN CITIES

Abstract. The paper examines the conditions and stages of formation of various types of power relations from 1991 to 2021 using the example of a comparative analysis of political processes in Siberian cities. To explain the differences in political trajectories, the author uses, on the one hand, the conceptual apparatus of the theory of assemblages by the Mexican-American researcher M. Delanda and builds his conclusions on the basis of the deductive method, and on the other hand, considers the course and results of election campaigns in the selected cities, inductively constructing ideal-typological models of winning coalitions. The main concept of the study is the “political-administrative assembly”, an autonomous entity consisting of heterogeneous parts of different nature, capable of providing forced coordination of other assemblies based on the legitimate recognition of its right to determine the target priorities of the community, mandatory social standards and to exercise control over their observance. Assemblies differ from each other in their assessments of electoral competition (personification-corporatism) and the transparency of administrative procedures (transparency-aberration). Thus, four models of assemblages are identified, two of which are designated as “Hobbesian patterns”, two as “Locke patterns”. To explain the discrepancy between the processes of formation of various patterns, a “place” hypothesis has been formulated, where the geographical location acts as a condition determining the nature of economic, social and cultural manifestations (a hub city or an administrative center city), which largely sets the parameters of the spatial, infrastructural and information environment of the city in question, which, in addition to the material component, finds its expression in the symbolic environment, the expressive pole (the city coat of arms), becoming the basis of the city’s identity (a trading city, an industrial city, an administrative center). Analysis of election campaigns shows a shift in local political agendas from complexes of local problems (1991–2000) to issues of the

local economy (2000–2011) to the articulation of large-scale problems of a national scale at the local level (2011–2021). The latest trends mean the unification of management and the transition to the “Hobbes pattern”, which, within the framework of the chosen theoretical model, inevitably leads to a decrease in the social activity of the population, the impoverishment of the symbolic environment and the weakening of the signal complexes about the state of the infrastructural environment.

Keywords: city, assemblage, power groups, networks, elites, infrastructure, urban regime, Siberia.

For citation: Pustovoit Yu.A. Conditions and stages of formation of political and administrative assemblies in Siberian cities. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 74–103. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.2.4>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yury A. Pustovoit – Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Political Science, Novosibirsk State University, Associate Professor, Department of Political Science, Tomsk State University. **E-mail:** pustovoit1963@gmail.com.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. *Амин Эш, Трифт Н.* Города: переосмысляя городское / пер. с англ. В. Николаева. М.: Красная ласточка, 2017. 218 с.
Amin Esh, Trift N. Cities: Rethinking the Urban [Russ. ed: *Goroda: pereosmyslyaya gorodskoe*. Transl. from Eng. by V. Nikolaev. Moscow: Krasnaja lastochka, 2017. 218 p.]
2. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь Мир, 2006. 592 с.
Brodel' F. *Material'naya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 1: Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. T. 1* [Material Civilization, Economy, and Capitalism, 15th–18th Centuries. Vol. 1: Everyday Life Structures: The Possible and the Impossible. Vol. 1]. Moscow: Ves' Mir, 2006. 592 p. (In Russ.)
3. *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Strelka Press, 2016. 108 с.
Virt L. Urbanism as a Way of Life. [Russ. ed: *Urbanizm kak obraz zhizni*. Transl. from Eng. by V.G. Nikolaev. Moscow: Strelka Press, 2016. 108 p.]
4. *Глазычев В.Л.* Политическая экономия города: учебное пособие. М.: Издательство «Дело» АНХ, 2009. 189 с.

- Glazychev V. L. *Politicheskaya ekonomiya goroda: uchebnoe posobie* [Political Economy of the City: A Textbook.] Moscow: Delo Publishing House of the Academy of National Economy, 2009. 189 p. (In Russ.).
5. Глейзер Э.Л. Триумф города: как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее / пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Издательство Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара. 2011. 430 с.
- Glizzer E. L. *Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier* [Russ. ed: *Triumf goroda: kak nashe velichajshee izobretenie delaet nas bogache, umnee, ekologichnee, zdorovee i schastlivee*. Transl. from Eng. by I. Kushnareva. Moscow: Publishing House of the E.T. Gaidar Institute for Economic Policy, 2011. 430 p.]
6. Деланда М. Война в эпоху разумных машин / пер. с англ. Д. Кралечкина. Екатеринбург: Кабинетный ученый; Институт общегуманитарных исследований. 2018. 202 с.
- Delanda M. *War in the Age of Intelligent Machines* [Russ. ed: *Voina v epokhu razumnykh mashin*. Transl. from Eng. by D. Kralechkin. Yekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj; Institut obshhegumanitarnyh issledovanij, 2018. 202 p.]
7. Деланда М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. с англ. К. Майоровой. Пермь: Гиле пресс, 2018. 164 с.
- Delanda M. *New philosophy of society: the theory of assemblages and social complexity*. [Russ. ed: *Novaya filosofiya obshchestva: teoriya assamblyazhei i sotsial'naya slozhnost'*. Transl. from Eng. by K. Majorova. Perm': Gile press, 2018. 164 p.]
8. Кынев А. В. Кто и как управляет регионами России: система управления и административная устойчивость власти российских регионов. М.: Рутения, 2024. 655 с.
- Кунев, А. В. *Kto i kak upravlyaet regionami Rossii: sistema upravleniya i administrativnaya ustojchivost' vlasti rossijskih regionov* [Who and How Governs the Regions of Russia: the System of Governance and Administrative Stability of the Authorities of Russian Regions.] Moscow: Ruthenia, 2024. 655 p. (In Russ.)
9. Логан Д., Молоч. Х. The City as a Growth Machine // *Urban Sociology*. 1988. Дата обращения 31.10.2024. URL: <http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/04/x-city-as-growth-machine.html>
- Logan D., Moloch X. *The City as a Growth Machine*. *Urban Sociology*. Accessed 31.10.2023. URL: <http://les-urbanistes.blogspot.com/2009/04/x-city-as-growth-machine.html>. (In Russ.)

10. Пустовойт Ю.А. Назад в общину: динамика политико-административных ассамбляжей в городах Сибири (1991–2021 г.) // Власть и элиты. 2023. Т. 10, № 1. С. 156–189. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.6>. EDN RWQLUP
Pustovojt Yu.A. Back to the Community: Dynamics of Political-Administrative Assemblages in Siberian Cities (1991–2021). *Vlast' i elity*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 156–189. (In Russ.). <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.6>. (In Russ.)
11. Розов Н.С. Построение объяснительных теорий в исторической социологии: реконструкция «историй успеха // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. №. 1. С. 7–25. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.1>. EDN: RPRIPB
Rozov N.S. Construction of Explanatory Theories in Historical Sociology: Reconstruction of “Success Stories”. *ZHurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2023. Vol. 26. No 2. P. 7–25. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.1>. (In Russ.)
12. Уилсон Б. Metropolis: город как величайшее достижение человечества / пер. с англ. Д.Л. Казакова. М.: Бомбора, 2021. 554 с.
Uilson B. Metropolis: the city as the greatest achievement of mankind [Russ. ed: *Metropolis: gorod kak velichajshee dostizhenie chelovechestva*. Transl. from Eng. by D.L. Kazakov. Moscow: Bombora, 2021. 554 p.]
13. Histori City. Городские исследования и история современности / под ред. Б. Степанова, К. Левинсона, О. Запорожца. М.: НЛО, 2024. 456 с.
Histori City. Gorodskie issledovaniya i istoriya sovremennosti [Histori City. Urban Studies and History of Modernity]. Ed. by B. Stepanov, K. Levinson, O. Zaporozhec. Moscow: NLO, 2024 456 p. (In Russ.)